

Гусейн Аббасзаде

Той победной весной

Гусейн Аббасзаде

Той победной весной

«Public Domain»

Аббасзаде Г.

Той победной весной / Г. Аббасзаде — «Public Domain»,

Содержание

Гусейн Аббасаде	5
В САНАТОРИИ	5
В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ У ОДЕРА	7
ЧУЖИЕ	9
КЕРЕМ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Гусейн Аббасзаде Той победной весной (Из дневника лейтенанта Гиясзаде)

В САНАТОРИИ

В тот год я взял отпуск осенью. Решил далеко не уезжать, а достал себе путевку в мардакянский санаторий.

Бакинцы хорошо знают, как прекрасна осень на Апшероне. Погода стояла теплая, и в иные солнечные дни можно было даже купаться в море.

Комнаты в нашем корпусе были рассчитаны на двоих. Мне повезло с соседом он не курил и не храпел по ночам. Вообще, если мне приходится спать в одной комнате с человеком, который храпит, я всю ночь не могу заснуть, а запах табака просто не выношу. Поэтому я благодарил судьбу, что послала такого соседа. Нравилось мне в инженере-нефтянике Гасане и то, что был он человеком молчаливым, ненавязчивым. На первых порах даже казалось, что он чем-то сильно озабочен, ищет одиночества, и я старался по возможности чаще оставлять его в комнате одного – уходил в читальный зал или прогуливался по саду, который был разбит во дворе санатория. А сосед, как только я оставлял его, раскладывал перед собой листы бумаги и принимался что-то писать.

По вечерам в клубе санатория показывали новые фильмы. Все отдыхающие собирались там. Но мой молчаливый сосед не посмотрел ни одной картины – и в это время он, не отрываясь, все писал и писал. Что он пишет, я не знал, а спросить стеснялся. Может быть, думал я, у него дома нет условий, и он взял отпуск, приехал сюда, чтобы поработать здесь? Может, пишет научную работу, готовится к защите диссертации?..

Однажды вечером после кино и традиционной прогулки по двору санатория, вернувшись в нашу комнату, я увидел в руках Гасана толстую общую тетрадь. Отключившись, ничего не слыша, он читал. Чтобы не мешать ему, я хотел было выйти, но сосед все же заметил меня, остановил:

– Зия-муаллим, почему вы уходите? Оставайтесь.

– Вы занимаетесь, занимаетесь, – смутился я. – А я еще немного погуляю. Врачи советуют перед сном быть побольше на воздухе.

Гасан поднялся и взял меня под руку:

– Уже поздно. Какие могут быть в это время прогулки?

Лицо соседа, который эти несколько дней казался озабоченным, даже хмурым, сейчас светилось тихим внутренним светом. Словно оправдываясь, он сказал:

– Вы не думайте, Зия-муаллим, что я не понимаю. Я все вижу. Все эти дни, чтобы не мешать мне, вы уходили. И днем не могли как следует отдохнуть. Спасибо вам. Теперь я кончил свою писанину, и можете не беспокоиться. – Он улыбнулся. – Ну и работенка, скажу вам! Каково же приходится тем, кто пишет толстые книги? Я прямо-таки измучился, пока написал несколько десятков страниц.

На столе перед Гасаном лежали еще две толстые тетради.

– Вы пишете диссертацию? – поинтересовался я. Сосед усмехнулся. Между черными густыми бровями легла тонкая морщинка.

– Вы переоцениваете мои способности, уважаемый Зия-муаллим, я об этом и не помышлял. Хоть и считается сейчас престижным получить ученую степень диссертации пишут даже

те, кто не имеет к тому никаких данных, – меня в науку не тянет. Поверьте, быть рядовым, но знающим свое дело инженером гораздо почетнее, чем бездарным кандидатом наук.

Я не мог не согласиться с ним, но от услышанного любопытство разгорелось еще больше.

– А что же тогда вы пишете?

– А это по настоянию племянника. – Он снова улыбнулся. – Сам не знаю, что у меня получилось. Это не имеет к моей работе никакого отношения. Так просто... Перевожу бумагу... – На лице его появилось смущение. – Понимаете, лет шесть назад меня пригласили на встречу в школу, где учится моя дочка. Я рассказал ребятам о том, что было со мной на фронте... А потом, провожая меня, учитель литературы спросил, почему я не напишу об этом, это, мол, очень интересно... достойно того, чтобы описать. Я загорелся, описал один случай, потом перечитал написанное и бросил в ящик стола. Там писанина и осталась. А как-то пришел мой племянник – он в молодежной газете работает, – я показал свое сочинение ему; племянник прочитал и сказал, что это готовый рассказ, и попросил для газеты. Рассказ напечатали. Через неделю-другую племянник снова звонит: воспоминания понравились читателям, в редакцию приходят письма с просьбой продолжить публикацию. Мол, если есть еще что вспомнить, садитесь и пишите. Решил рискнуть. Поскольку в этом году отпуск еще не брал, купил путевку, приехал сюда, чтобы поработать. Вот написал кое-что... о событиях, свидетелем которых довелось быть в конце войны... – Он взял тетради со стола, погладил коленкорные обложки. – Осталось только переписать начисто. Работы – дня на три-четыре. Как закончу – отдам племяннику. Понравится – пусть печатают. Не понравится – оставлю детям на память. Возьмут, может быть, почитают, вспомнят отца. Мне и этого достаточно...

Мне понравилось такое отношение соседа к своей многодневной работе. Стало интересно: о чем же он написал?

– Если б вы позволили... – начал я, но он не дал договорить:

– Ну о чем вы, Зия-муаллим! Буду очень благодарен, если прочитаете и выскажете свое мнение.

Мы договорились, что, как только воспоминания будут? переписаны, я получу их.

Через три дня после нашего разговора Гасан протянул мне две новых общих тетради. Почерк у него был твердый и красивый.

– Вот, Зия-муаллим... Только давайте условимся: честно скажете, если не понравится. Я тогда вообще не понесу их в редакцию. Буду откровенен: когда писал тот первый рассказ, я не работал над ним с таким усердием. Оно ведь как бывает? Когда стараешься сделать что-то лучше, получается нечто противоположное.

Я пообещал соседу не кривить душой.

На этот раз он оставил меня в комнате одного, притворил дверь, чтобы ничто не отвлекло. Я раскрыл одну из тетрадей...

В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ У ОДЕРА

Уже два дня шли непрерывные дожди, но, несмотря на несусветную мокрядь, бои у Одера продолжались. Под яростным дождем, обрушившимся на наши головы, на третий день мы заняли небольшую немецкую деревушку, расположенную недалеко от границы с Чехословакией.

Из штаба полка передали приказ расположиться в уцелевших домах на отдых. Приказ этот пришел как нельзя кстати. Уставшие за дни непрерывных боев, промокшие до нитки, бойцы сушили одежду, курили, обсуждали недружелюбные действия небесной канцелярии.

Мы со старшиной Папковым проверили, как устроились солдаты, я отдал необходимые приказания младшим командирам и направился в дом, отведенный для офицеров. Командир второго взвода младший лейтенант Саша Коневский сушил у печки свой китель и что-то мурлыкал себе под нос.

– Что-то ты слишком быстро освоился, – пошутил я и бросил на стол свою полевую сумку.

– Выполняю приказ командира полка, товарищ лейтенант. – Коневский с улыбкой провел рукой по кителю. – Так промок, что не меньше суток сушить придется.

Он придвинулся к самой дверце печки, в которой потрескивали сухие дрова. От кителя пошел легкий пар.

И тут из соседней комнаты послышались голоса. Разговаривали по-немецки. Это удивило меня. Обычно жители немецких деревень и городов при нашем приближении спешили эвакуироваться и устремлялись на запад, оставляя не только свои дома и квартиры, но и скот.

– Что такое? Кто там? – спросил я у Коневского.

– Не беспокойся. Там старуха хозяйка и ее сын.

– Сын? Молодой? – удивился я еще больше, потому как мужчин в занятых немецких деревнях до сих пор вообще встречать не приходилось.

Коневский даже не повернул головы, продолжал смотреть на огонь.

– Трудно определить, но в возрасте. Говорят, что тяжело болен. Да не волнуйся ты! Нам они не мешают...

Я повесил плащ на вешалку у двери и вошел в соседнюю комнату. Она была светлей и просторней нашей. На диване, стоявшем у стены, лежал мужчина. На вид ему можно было дать лет пятьдесят. На его вытянутом болезненном лице остро обозначились скулы. На табурете перед ним стояла чашка кофе, лежали три-четыре сухарика.

Увидев меня, мужчина беспокойно заворочался. Я вытащил из кармана русско-немецкий словарь и начал перелистывать, подыскивая нужные слова.

– Дас ист зон?

– Я, я, зон! – поспешно и, как мне показалось, испуганно закивала старуха.

Я снова посмотрел в словарь и, коверкая немецкие слова, попытался заговорить с хозяйкой. Старуха начала что-то быстро-быстро объяснять, но из всего ею сказанного я понял только, что у ее сына туберкулез, что в связи с наступлением весны состояние его ухудшилось.

Пока старуха говорила, больной постанывал, иногда глубоко вздыхал. Мне стало жалко его. Поглядев на кофе и кусочки сухарей, я вспомнил наставление медиков, что больные туберкулезом должны хорошо питаться, вернулся в свою комнату, взял сливочное масло, сахар, банку свиной тушенки, буханку хлеба.

При виде такого обилия продуктов у больного заблестели глаза. Он приложил руку к груди и благодарно закивал головой: «Данке шён, данке шен!..»

В отличие от него, старуха почему-то радости не выразила. Пропроцедив сквозь зубы то же «данке», она взяла принесенное мной и спрятала в ящик буфета. Это мне совсем не понрави-

лось. «Вот карга, – подумал я, – даже „спасибо“ сказать по-человечески не может! И откуда столько злобы? Ну да пусть катится к черту не для нее принес, для больного».

Больной что-то сердито сказал старухе; она ворча открыла буфет, достала оттуда хлеб, отрезала кусочек, намазала маслом, положила на табурет.

Я был поражен: «Что же это за мать?! Ведь хорошо знает, что сын тяжело болен, ему нужны калории, а ей подаренных продуктов жалко! Что она дала? Кошке облизнуться!..»

Больной начал есть, а я продолжал наблюдать за старухой. Уж очень странно, нервозно вела она себя. Когда сын что-то говорил, вздрагивала, втягивала голову в плечи, со страхом косилась на меня, будто ожидая удара, вроде бы хотела уйти, но не уходила. Наконец я не выдержал:

– Фрау, не бойтесь. Мы не трогаем мирное население. У нас счета только с фашистами. Но и после этого старуха не успокоилась.

– Мама, господи! лейтенант говорит правду. Они нас не трогают. Нам нечего бояться, – сказал больной, завернувшись в одеяло и закашлялся.

Когда старуха подошла к табурету, чтобы забрать опустевшую чашку, я случайно взглянул на ее руки: морщинистые, с проступающими сквозь кожу синеватыми жилками, они дрожали. И чего боится? Вот же вбила себе в голову! Я знал, что немецкая пропаганда устрасала людей мстью русских, нашими зверствами, но чтоб настолько запугать!..

Старуха унесла чашку, сняла с табурета матерчатую салфетку, чтобы стряхнуть ее, и, проходя мимо меня, сделала знак глазами в сторону больного, но я так и не понял, что она хотела сказать этим.

Страхнув салфетку и возвращаясь к табурету, старуха снова показала мне глазами на больного, но я по-прежнему ничего не понимал: оставить ли его в покое просит таким образом или хочет обратить на что-то мое внимание? В недоумении я смотрел то на нее, то на ее больного сына. Тот, повернувшись на бок, смежив веки, казалось, дремал.

Видя, что я ничего не предпринимаю, старуха взяла щетку и под предлогом того, что собирается вытирать пыль, направилась к стоявшему в углу комнаты книжному шкафу. Оттуда она снова стала делать мне знаки, указывая головой в сторону больного.

Я только пожал плечами. Вот странная! И что этим хочет сказать?

И тут, укрывшись за шкафом, старуха закричала:

– Держите! Держите!..

Услышав это, мужчина вскочил, стремительно сунул руку под подушку, но я опередил его, навалился сзади, крепко вцепился в его горло. На крик вбежал Коневский.

– Осторожно! У него есть пистолет! Пистолет!.. – кричала старуха, не вылезая из-за шкафа.

Я рванул мнимого больного па себя, повалил его на пол.

– Коневский, посмотри там, в постели!..

Младший лейтенант отбросил подушку, нашел заряженный пистолет и подступил к трясущейся от страха старухе:

– А, старая ведьма! Так вот, значит, какого сына прячешь!

– Коневский, – остановил я, – она ни в чем не виновата. Дело совсем в другом...

Старуха наконец вышла из-за шкафа. Из глаз ее катились слезы, губы дрожали. Она со злобостью посмотрела на мужчину, который лежал в нижнем белье на полу, и сказала:

– Это не мой сын. Мой сын погиб... Это фашист... Полковник... Он угрожал мне... Заставил назвать сыном...

ЧУЖИЕ

В пути нас застал дождь. Я сидел в кузове трехтонки. Находившийся в кабине шофера зампотех майор Чикилдин остановил машину и позвал меня:

– Гиясаде, идите в кабину. Там вы промокнете...

– Троим будет тесно, товарищ майор. Не беспокойтесь, не сахарный, не растаю.

Майор не отставал. Пришлось спуститься и сесть рядом с ним.

Наш полк получил недельный отдых. Воспользовавшись им, мы намеревались подлатать дыры, подлечить раны, подремонтировать оружие и сейчас ехали с Чикилдиным на склад арт-вооружения, расположенный близ города Нойштадта, за новыми пушками.

Темнело, а до места назначения было еще далеко. Из-за того, что электролинии, поврежденные во время боев, не действовали, по вечерам повсюду наступала кромешная тьма. В темноте же на дорогах было опасно – группы солдат и офицеров в беспорядке отступающей гитлеровской армии, отставшие от своих частей, прятались в лесах и временами нападали на наши машины. Поэтому, как только стемнело окончательно, Чикилдин предложил сделать остановку и заночевать в первой же встретившейся на пути деревне.

Полуразрушенная, погруженная в полную темноту, деревня казалась безжизненной. Возможно, в ней и не было людей. Но в одном доме за высоким каменным забором в затемненном окне мы заметили слабую полосочку света. Подъехали к нему, постучали в ворота. На наш стук никто не отозвался.

– Стучи сильнее, может, там из-за дождя ничего не слышат, – сказал шоферу Чикилдин и сам начал бить кулаком по доскам ворот.

Прошло немало времени. Наконец во дворе послышались шаги, кто-то подошел к воротам, прислушался к нашему разговору и после этого дрожащим голосом спросил по-немецки что-то. Мы, естественно, ничего не поняли. Шофер громко крикнул:

– Открывай, открывай, не бойся!

Ворота приоткрылись. Майор фонариком осветил двор. Перед нами стояла молодая женщина. То ли от холода, то ли от страха она дрожала и робко смотрела на нас.

– Не бойтесь, фрау, мы не сделаем вам ничего плохого, – сказал я, – только переночуем.

Шофер загнал машину во двор. Закрыв ворота, мы поднялись на веранду.

– Можно войти? – спросил майор.

Получив разрешение хозяйки, мы вытерли ноги о коврик, лежавший у порога, вошли в дом; сняв шинели, усадились у стола.

Я внимательно оглядел комнату. Она, несомненно, служила гостиной. И первое, что привлекло внимание, был необычный беспорядок. Словно кто-то хотел, чтобы комната выглядела беднее, и привел ее в такое состояние. По тому, как стояла мебель, чувствовалось, что часть вещей была торопливо спрятана. Взгляд мой остановился на висящей в позолоченной раме картине. Это была выполненная маслом копия известной работы Хосе де Рибера «Святая Инесса и ангел, укрывающий ее». Картина как бы свидетельствовала, что дом принадлежит не простому бауэру, а представителю деревенской интеллигенции.

Наше появление в доме, как видно, очень встревожило хозяйку, но она старалась не показывать виду, что обеспокоена, заверила нас, что сделает все, чтобы мы могли хорошо отдохнуть, и торопливо принялась собирать разбросанные по полу детские игрушки. Это была видная, красивая женщина лет тридцати пяти с немного увядшим лицом, с тенями под большими карими глазами, с рассыпавшимися по плечам шелковистыми волосами. Иногда она поднимала голову, смотрела на нас, но чувствовалось, что все существо ее в соседней комнате, откуда иногда слышались приглушенные детские голоса и возня. Минут через пять там раздался плач.

Женщина побежала туда. Мы немного поболтали о том о сем, затем достали из вещмешка, который шофер принес из машины, хлеб, тушенку и перекусили.

Время шло. Усталость брала свое. Чикилдин поинтересовался у хозяйки, где нам можно переночевать. Женщина постелила в гостиной ковер, принесла несколько матрацев, перин, разложила их на ковре. Мы поблагодарили ее, и она снова ушла к детям.

Майор и водитель, как только легли на свои места, так тут же и уснули. А мне не спалось. Каким бы ни был усталым, я долго не мог уснуть в чужом доме, вертелся с боку на бок, думал, фантазировал, и нередко так продолжалось до утра.

Последние дни мне часто снилась мама, которая проводила на фронт троих сыновей и теперь жила с сестрой в Баку. Я никак не мог забыть ее ласкового лица. И сейчас, в чужой стране, в этом чужом доме, я снова вспоминал ее, вспоминал, с какой заботливостью стелила мне постель она.

Было уже далеко за полночь. Стояла глубокая тишина. И вдруг в соседней комнате что-то тяжело грохнулось об пол. Мы все трое вскочили на ноги, схватились за оружие.

Постучали в дверь соседней комнаты. Никто не ответил. Мы приоткрыли дверь и вошли. Хозяйка держала на руках мальчишку. Он плакал. Видно, упал, сонный, с кровати и сильно ушибся. Проснулись и другие дети – девочка и мальчик лет пяти. Съежившись, они сидели на голых пружинных матрацах своих кроваток и испуганно таращились на нас – чужих дядей в чужой для них форме.

Я удивился: «А где же их постели?» И в этот момент майор, словно поняв, о чем я думаю, спросил:

– Гасан, ты обратил внимание, на чем спят ребята?

Мы тут же вернулись к себе и посмотрели на свои перины. Да, сомнений не оставалось – вечером хозяйка, из-за того что других у нее не было, постелила нам постели детей.

– Побоялась, что рассердимся, – нашел я объяснение тому, что сделала хозяйка.

Майор сгреб в охапку свой матрац и перину, отнес в соседнюю комнату, сложил на одну из кроватей.

– Нам это совсем ни к чему. Люди военные, можем и на голом полу переспать.

Мы с шофером последовали его примеру.

– Постелите детям. Пусть спят как всегда, – сказал женщине майор. – У них вон глаза слипаются.

То, как мы поступили, удивило и тронуло хозяйку.

Опустив мальчика на пол, она вытерла набежавшие слезы, два раза повторила «данке», «данке» и поклонилась.

Мы вернулись в гостиную.

– Ну, а теперь давайте спать по-фронтовому, – сказал майор, подкладывая под голову полевую сумку и накрываясь шинелью. – Для солдата нет одеяла надежней шинели.

Утром я проснулся раньше всех, умылся и вышел на террасу. Дождь, ливший всю ночь, прекратился. Воздух был напоен запахами садовых цветов. По небу плыли белые облака. Я спустился во двор, закурил папиросу, затаился. Тут из погреба послышался шорох. Через некоторое время в его дверях показалась хозяйка с охапкой дров на руках. Увидев меня, она приветливо поздоровалась! Сейчас она совсем не была похожа на ту испуганную нашим поздним визитом женщину.

– лейтенант, вы что так рано проснулись? Неудобно было спать? – С этими словами во двор вышел Чикилдин. Наклоняясь и разгибаясь, он стал делать зарядку.

Утренняя свежесть давала о себе знать. Я застегнул ворот кителя. И тут в другом конце деревни послышался грохот танков. Судя по всему, они направлялись к фронту. Майор распрямился, прислушался к грохоту и стал торопить нас:

– Шевелитесь, ребята! Давайте скорее позавтракаем – и в путь! К вечеру надо быть в части!

Когда мы вернулись в дом, все дети уже проснулись и оделись. Увидев нас, они испуганно попрятались по углам. Я погладил по головке светловолосую девчушку, которая пряталась за дверью, и спросил:

– Ты от кого это прячешься, чертенок? Она, не поняв, что я спросил, расплакалась.

– Ну, чего ты испугалась, глупая? Не плачь... – Я взял со стола несколько кусочков сахара, приготовленного шофером к завтраку, и дал ей.

Увидев это, к нам потянулись и другие ребята. Майор сгреб в горсть весь сахар и стал раздавать его малышам.

– Пусть едят, – сказал он. – Дети любят сладкое, а наверное, кроме дурацкого сахарина, давно ничего не видели.

Малыши чутко улавливают доброту. Через минуту, уже ничего не боясь, они залезли к нам на колени и пытались что-то рассказать, лепеча по-своему, но не настолько успели мы усвоить немецкий, чтобы понять их.

Мы не знали, кто их отец и где он сейчас, и не стали спрашивать об этом хозяйку. Да это было и не суть важно – в нас все росло и росло чувство жалости к ребятишкам.

Глядя волосенки сидящей у меня на коленях девочки, я вспоминал увиденное мной, когда мы освобождали Крым.

...Внезапной атакой наша часть выбила немцев из деревни, но когда мы вошли в нее, на улице, во дворах не увидели ни единой души. Наш командир батареи приказал солдатам внимательно осмотреть дома – вдруг там прячутся фашисты. Бойцы тщательно проверили все закоулки, немцев нигде не обнаружили, но на краю деревни нашли расстрелянных фашистами молодую женщину и троих детей. В одной из расстрелянных – девочке лет шести – еще теплилась жизнь, надо было оказать ей немедленную помощь. Санинструктор взяла свою сумку, и мы помчались на окраину.

То, что мы увидели, прибежав туда, потрясло нас. Фашисты расстреляли детей в одной комнате, а мать – в другой. Можно было предположить, что они пытались изнасиловать женщину, выгнали и заперли детей, чтобы те им не мешали. Женщина, видно, отчаянно сопротивлялась – платье ее было изорвано, лицо покрывали кровоподтеки, на обнаженной груди краснели запекшейся кровью три пулевых метки...

Мы вырыли неподалеку от дома могилу и похоронили расстрелянных, а умирающую девочку отправили в медсанбат. На следующий день нам сообщили, что, несмотря на все усилия врачей, спасти ее не удалось...

– Так... поели, попили, отдохнули, теперь поехали... – сказал Чикилднн и поднялся.

Водитель хотел было спрятать в вещмешок оставшуюся нетронутой буханку хлеба, банку тушенки, но майор остановил его руку:

– Пусть останется ребятишкам. А мы себе найдем что-нибудь...

Шофер открыл ворота и стал заводить машину. Мы уселись в нее. Хозяйка вместе с детьми вышла во двор. Когда машина выехала за ворота, нам вслед замахали детские ручонки, раздалось ребячье «Ауфвидерзеен! Ауф-видерзеен!».

Нас провожали, как провожают близких или родных людей...

КЕРЕМ

К ночи бой утих. По опыту зная, что немцы в темноте воевать не любят и можно не опасаться неожиданных выходов с их стороны, мы начали устраиваться на ночь в уцелевших зданиях небольшого немецкого городка.

Бойцы нашей батареи разместились в комнатах ничем особым не выделявшегося одноэтажного дома. Пушки мы оставили в полной боевой готовности во дворе, где был разбит небольшой садик, выставили караульных и предались желанному отдыху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.